

Сеитов Р.М. ^{*1}, Балакаева Л.Т. ²

¹магистрант КазНУ им. аль-Фараби
Алматы, Казахстан

E-mail: seitofuruslan@gmail.com

²Кандидат исторических наук, и.о. профессора,
КазНУ им. аль-Фараби Алматы, Казахстан
E-mail: lyailya.balakaeva@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ И МЕХАНИЗМЫ ДИНАСТИЙНОЙ ПЕРЕДАЧИ МЕСТ В ЯПОНСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

Аннотация

В статье рассматривается феномен династийных политиков в Японии – *Сэсю: гиин* (世襲議員), его механизмы и лежащие в их основе социокультурные и институциональные особенности общества. Выявлены и проанализированы уникальные механизмы японской политической системы, формальные и неформальные институты. К ним относятся система «три бан» (三バン): *дзибан* (地盤) – электоральная база, *камбан* (看板) – узнаваемость имени или репутация, *кабан* (鞆) – финансовые ресурсы. Другим механизмом поддержки кандидатов, в том числе династийных, является *ко:энкай* (後援会) – группы поддержки. Выявлено, что в ходе предвыборной борьбы династийные кандидаты, унаследовавшие округ от родственника, имеют больше шансов быть избранными и переизбранными в парламент. Важную роль в этом процессе играют не только сами политики, но также и бюрократия, бизнес, и группы поддержки из избирателей. Более того, данный феномен формально согласуется с демократическими институтами и не вызывает недовольства широких масс японского общества. В то же время династийные политики сильнее связаны с участниками политического процесса и могут участвовать в более неравномерном распределении ресурсов. За последние несколько десятилетий предпринималось несколько попыток ограничить влияние династийных политиков – избирательная реформа 1994 г. и запрет на выдвижение династийных политиков партией ДПЯ в 2009 г. Эти попытки не дали ощутимых результатов по снижению количества династийных парламентариев, однако в последние несколько лет этот институт подвергается всё большей критике.

Ключевые слова: Политические династии, Япония, демократия, парламент.

Р.М. Сеитов^{*1}, Л.Т. Балакаева²

¹ал-Фараби атындағы ҚазҰУ магистранты, Алматы, Қазақстан

E-mail: seitofuruslan@gmail.com

²ал-Фараби атындағы ҚазҰУ тарих ғылымының кандидаты, профессор м.а.

Алматы, Қазақстан

E-mail: lyailya.balakaeva@gmail.com

ЖАПОН ПАРЛАМЕНТИНДЕГІ МАНДАТТАРДЫҢ ДИНАСТИЯЛЫҚ БЕРІЛУІНІҢ ЕРЕКШЕЛІКТЕРІ МЕН МЕХАНИЗМДЕРІ

Аннотация

Мақалада Жапониядағы династиялық саясаткерлер феномені – *Сэсю: гиин* (世襲議員), оның механизмдері мен қоғамның әлеуметтік-мәдени және институционалдық ерекшеліктерін қарастырады. Жапондық саяси жүйенің, формальды және бейресми институттардың бірегей механизмдері анықталып, талданады. Оларға «үш бан» жүйесі (三バン) жатады: *дзибан* (地盤) – сайлау базасы, *камбан* (看板) – атақнемесе бедел, *кабан* (鞆) – қаржылық ресурстар. Кандидаттарды, соның ішінде династиялықтарды қолдаудың тағы бір механизмі *ко:энкай* (後援会) – қолдау топтары болып табылады. Сайлау науқаны кезінде ауданды туысқаннан мұра етіп алған әулеттік кандидаттардың парламентке сайланып, қайта сайлану мүмкіндігі жоғары екені анықталды. Бұл үдерісте саясаткерлердің өзі ғана емес, бюрократия, бизнес, сайлау округтерін қолдау топтары да маңызды рөл атқарады. Оның үстіне, бұл құбылыс формальды түрде демократиялық институттарға сәйкес келеді және жапон қоғамының

қалың бұқарасының наразылығын тудырмайды. Сонымен қатар, әулеттік саясаткерлер саяси процеске қатысушылармен көбірек байланысты және ресурстарды неғұрлым тең емес бөлуге қатыса алады. Соңғы бірнеше онжылдықта династиялық саясаткерлердің ықпалын шектеуге бірнеше әрекет жасалды - 1994 жылғы сайлау реформасы және 2009 жылы ЖДП династиялық саясаткерлерді ұсынуға тыйым салу. Бұл әрекеттер санын азайтуда нақты нәтиже бермеді. династиялық парламентарийлердің саны, дегенмен, соңғы бірнеше жылда бұл институт уақыт өткен сайын көбірек сынға ұшырады.

Кілт сөздер: Саяси династиялар, Жапония, демократия, парламент.

*R.M. Seitov*¹, L.T. Balakayeva²*

¹Master student of al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan

E-mail: seitofuruslan@gmail.com

²Candidate of Historical Sciences, Acting Professor of al-Farabi KazNU, Almaty, Kazakhstan

E-mail: lyailya.balakaeva@gmail.com

FEATURES AND MECHANISMS OF DYNASTIC TRANSFER OF SEATS IN THE JAPANESE PARLIAMENT

Abstract

The article deals with the phenomenon of dynastic politicians in Japan - Seshu: giin (世襲議員), its mechanisms and underlying socio-cultural and institutional features of society. The unique mechanisms of the Japanese political system, formal and informal institutions are identified and analyzed. These include the three-ban system (三バン): jiban (地盤) - electoral base, kamban (看板) - name recognition or reputation, boar (鞆) - financial resources. Another mechanism for supporting candidates, including dynastic ones, is koenkai (後援会) - support groups. It was revealed that during the election campaign, dynastic candidates who inherited the district from a relative are more likely to be elected and re-elected to parliament. Not only politicians themselves play an important role in this process, but also bureaucracy, business, and constituency support groups. Moreover, this phenomenon is formally consistent with democratic institutions and does not cause discontent among the broad masses of Japanese society. At the same time, dynastic politicians are more connected to the participants in the political process and can participate in a more unequal distribution of resources. Over the past few decades, there have been several attempts to limit the influence of dynastic politicians - the electoral reform of 1994 and the ban on the nomination of dynastic politicians by the DPJ in 2009. These attempts have not yielded tangible results in reducing the number of dynastic parliamentarians, however, in the last few years, this institution has been subjected to increasingly more criticism.

Keywords: Political dynasties, Japan, democracy, parliament.

Введение. Потомственные, или династийные, политики – это политики, которые связаны родством или браком с действующим или бывшим членом парламента и баллотируются в том же избирательном округе. В Японии их называю сэсю: гиин (世襲議員) – потомственные парламентарии. За последние 20 лет до 30% всех парламентариев в Японии были связаны с политическими кланами, и это число существенно возрастает среди министров и премьер-министров [1, 456]. В 2022 г. на выборах в верхнюю палату советников было избрано 14 династийных политиков на 248 мест, что составляет всего около 6%. Однако учитывая, что всего было 19 династийных кандидатов, процент их успеха на выборах составляет 73%, что намного выше среднего процента успеха в 22% [2]. При этом на выборах в нижнюю и ключевую Палату представителей в 2021 г. было избрано 108 династийных политиков, что составляет 23.5% [3].

Некоторые знаменитые политические династии ведут своё начало ещё с конца XIXв., и имеют большой финансовый капитал или состоят в родстве с богатыми и влиятельными кланами. У многих таких политических династий есть свои «вотчины» – избирательные округа, которые передаются по наследству и где почти гарантированно раз за разом выигрывает определённая семья и партия [4].

Одними из ярких представителей политических династий можно назвать премьер-министров Синдзо Абэ и Юкио Хатояма, представителей третьего и четвёртого поколения политических династий соответственно. Дед С. Абэ Нобусукэ Киси был премьер министром в 1957–1960 гг., его отец Синтаро Абэ – секретарём Кабинета Министров. Синдзо Абэ начал свою политическую карьеру с поста секретаря своего отца в его бытность министром иностранных дел. Политическая история династии Хатояма начинается ещё в эпоху Мэйдзи, а саму семью часто называют «Японскими Кеннеди» [5]. Дед

Юкио Итиро Хатояма был премьер-министром в 1954–1956 гг. и одним из основателей Либерально-Демократической партии. К известным представителям политических династий относятся также такие «тяжеловесы» японской политики, как бывший премьер-министр Дзюньитиро Коидзуми, нынешний премьер-министр Фумио Кисида, Таро Коно, Ясухиро Накасонэ, Рютаро Хасимото, Асо Таро и другие.

Несмотря на то, что политические династии существуют не только в Японии, но и в других демократических странах, японские политики выработали своеобразные механизмы для поддержания наследования парламентских мест. Многие из них основываются на особенностях японской политической системы и социокультурных особенностях японского общества. Большое количество династийных политиков тесно связаны не только со своими политическими кланами, но также и с бюрократической и бизнес-элитами. Они создают относительно закрытый политический класс, в котором ротация кадров значительно снижена по сравнению с другими демократическими странами. В этой связи значительная часть западных исследователей задаётся вопросом, не является ли обилие политических династий угрозой демократии в Японии. Как отмечают в своей работе М.Исибаси и С.Рид, «относительно закрытый потомственный политический класс не обязательно должен означать конец эффективной демократии. Пока политическим элитам приходится конкурировать за благосклонность электората, демократия может процветать. Однако если электорату не будет предоставлен значительный выбор, демократия может стать простой видимостью» [6, 368]. Данная проблема, в частности, её причины и динамика, являются малоизученными в отечественной научной литературе.

Актуальность. Япония гармонично интегрировала традиционные социально-политические институты и современную демократию. Такая политическая система если не способствовала, то, по крайней мере, не помешала бурному экономическому росту страны во второй половине XX в. Изучение сочетания традиционных особенностей и современной политической системы Японии может быть полезно для Казахстана как для молодого независимого государства.

Материалы и методы. В исследовании применяется антропологический метод исторического институционализма, которые помогают определить степень влияния социокультурных особенностей, формальных и неформальных институтов японского общества на распространение феномена политических династий. Кроме того, в работе были использованы общенаучные методы исследования, в частности дескриптивный, компаративистский, аналитический. Основными материалами являются статьи и книги исследователей из разных стран, проводивших эмпирические исследования феномена политических династий. Кроме того, использованы газетные статьи с обсуждением современного состояния политических династий в Японии.

Цели и задачи. Целью исследования является рассмотреть особенности и механизмы династийной передачи мест в японском парламенте.

В соответствии с методами были поставлены следующие задачи:

– Проанализировать культурные особенности японского общества и их влияние на политическую систему страны

– Проследить изменение восприятия династийных политиков в современном японском обществе.

Обсуждение. Больше всего династийных политиков состоит в рядах крупнейшей и ныне правящей Либерально-демократической партии (ЛДП). В этой связи большинство работ западных и японских авторов по политическим династиям изучают только данные ЛДП и нечасто затрагивают другие партии. Тема потомственных политиков в русскоязычной политологии практически не раскрыта. Однако стоит отметить статью П.А. Антонова [7] 2018 г., в которой он делает предположение о возможном приходе Ф.Кисиды на пост премьер-министра, что и произошло в 2021 г.

Гораздо больше материала по теме потомственных политиков и, шире, механизмов японской политики, можно найти у западных исследователей и журналистов. Отдельно следует отметить статью М.Исибаси и С.Рида [6] как основополагающую работу для целого ряда дальнейших исследований. В частности, в ней исследователи поднимают вопрос соответствия обилия потомственных политиков в Японии демократическому развитию страны.

Японский исследователь Х.Фукуда [8] критически рассматривает феномен потомственных политиков как угрозу японской демократии. Автор размышляет о неравенстве в распределении голосов в избирательных округах как о проблеме превалирования коллективных интересов над индивидуальными правами человека, что несовместимо с современной демократической системой, основанной на равенстве всех перед законом. Такая постановка проблематики отражает конфликт политических идеалов, привнесённых в страну извне, и традиционных социально-политических реалий страны. В контексте нашего исследования также интересно его рассуждение о превалировании коллективных интересов: «Реальность в Японии такова, что даже люди с опытом юристов, которые

должны играть важную роль в защите основных гражданских свобод, пришли к такому образу мышления».

Американский исследователь Д.Смит [9] применил сравнительный метод спроса и предложения для выявления причин распространения явления наследственных политиков в Японии. Он выявил, что значительную часть успеха потомственных политиков составлял спрос на них среди политических партий из-за особенностей избирательной системы. Но даже после избирательной реформы среди избира-телей остался спрос на потомственных кандидатов, а также сохранились институты, помогающие им избираться.

Результаты. Отличительными чертами японского менталитета, влияющими на политическую систему, являются патернализм, коллективизм, стремление любой ценой избежать конфликтов и достичь компромисса, децентрализация в принятии решений и распределении ответственности [10].

Политическая культура Японии в значительной степени находится под влиянием конфуцианства, заимствованного из Китая и переработанного с учётом особенностей японского общества. В частности, конфуцианство в Китае ставило внутрисемейные отношения отца и сына выше отношений подданного и императора, в результате чего даже император мог быть свергнут. В Японии же отношения власти и подданных считались выше семейных, а правящая императорская династия никогда не прерывалась. Конфуцианская этика формировала отношения подданного и господина не на основе контрактов и формальных договорённостей, а на основе морального долга и полной преданности. К этому примешивалась буддийская этика возвращения долга, которая укрепляла неформальные отношения между властью и подданными. В современном японском обществе эти моральные категории выражаются в понятии *гири* (義理) – долг чести, который предписывает обязательно возмещать оказанную услугу [11].

По мере модернизации Японии, привнесённые институты интегрировались в традиционную культуру и ассимилировались. Этому способствовало и то, что Япония, в отличие от многих других стран, не была колонизирована и проводила модернизацию своими силами и по своей воле. Даже во время оккупации после Второй мировой войны стране удалось по большей части сохранить свою традиционную культуру. При этом баланс между иностранным и традиционным достигался за счёт сочетания формальных и неформальных институтов, причём последние могут неизменно использоваться даже на высшем политическом уровне. Так, например, заседания Кабинета министров до сих пор проходят на основе обычая и не регулируются формальным регламентом.

Подобные моральные установки и историческое развитие обуславливают специфику т.н. «консенсус-ной демократии». Суть этого понятия состоит в том, что для японской политики главное – не демократический процесс, а учёт мнений и желаний всех сторон политического процесса, достижение компромисса и ослабление публичного контроля. [12, 138] В процессе принятия решений политики долго согласовывают свои действия с бюрократией и бизнесом. В подобных условиях не последнюю роль играет личность политика и его связи.

Таким образом, сохраняя формально статус демократической страны, которая, к тому же, занимает высокие места в международных рейтингах восприятия коррупции, Япония всё же часто подвергается критике за свои «антидемократические» политические институты, к которым относится и феномен *сэсю: гиин*.

Современная политическая система Японии оформилась в 1947 г. с принятием новой конституции, а первые послевоенные выборы в ключевую нижнюю палату парламента состоялись ещё в 1946 г. Довольно быстро основные консервативные партии страны, Либеральная партия и Демократическая партия объединились в Либерально-демократическую партию, которая безраздельно находилась у власти с 1955 по 1993 г. В стране сложилась практически однопартийная система, называемая «система 1955 г.», и по сей день ЛДП остаётся крупнейшей партией.

Эта же партия чаще всего подвергается критике за nepoтизм и недемократичность, поскольку именно от неё в парламент проходит большинство потомственных политиков. С одной стороны, это связано с тем, что ЛДП в принципе занимает большинство мест в парламенте. Кроме того, привлечение потомственных кандидатов часто является выигрышной стратегией для победы партии в округах, где они известны и откуда избирались их родственники, оставившие им в «наследство» место в партии. Таким образом, с помощью привлечения потомственных политиков партия может выиграть сложные округа, которые иначе она бы потеряла. Стоит отметить, что подобное практикуется не только в ЛДП, но и в других крупных партиях, в частности, оппозиционных.

Перед всеобщими выборами 2009 г. крупнейшая на тот момент оппозиция Демократическая Партия Японии (ДПЯ) заявила, что больше не будет назначать *сэсю: гиин* и исключает подобную практику из своей политической деятельности. По большей части, это был выпад в сторону ЛДП, которая в то время

подвергалась критике в СМИ за обилие династийных кандидатов и превращение политики в семейный бизнес. Стоит также отметить, что исам лидер ДПЯ Юкио Хатояма, в 2009 году ставший премьер-министром, является политиком в четвёртом поколении и основывал ДПЯ вместе со своим братом Кунио Хатояма, который затем перешёл в ЛДП.

Сама ЛДП также пыталась ограничить у себя практику назначения потомственных политиков, но встретила сопротивление среди членов партии, многие из которых были потомственными политиками или надеялись в будущем передать своё место детям. В конце концов, в партии заявили, что не могут ограничивать людей в праве на выдвижение кандидатуры только на основе их родства с другими политиками. Даже несмотря на усилия партии по ограничению приёма новых потомственных кандидатов на выборы в течение нескольких последующих лет множество уже действующих *сэю*: *гин* продолжали успешно переизбираться. Таким образом, усилия по ограничению практики потомственных политиков дали относительно слабые результаты.

Д.Смит [9, 102] указывает, что большой разброс количества династийных политиков в разных партиях – большая доля в ЛДП и меньшие доли в других партиях – говорит о том, что уникальные черты японской культуры не могут быть источником такого распространения феномена династийных политиков. Тем не менее, мы считаем, что нельзя игнорировать роль менталитета и культуры в формировании неформальных институтов, на которых базируется, в том числе, и политическая культура. Кроме того, традиционные моральные нормы соблюдаются в бизнес-сообществе, которое тесно связано с политиками. Сочетание современной демократии и традиционных, неформальных способов решения проблем порождает множество особенностей японской политической системы. Все они, так или иначе, связаны друг с другом, и династийные политики являются составной частью этой системы.

Так, например, для японской политической системы вообще характерна ориентация на сохранение преемственности. Сама парламентская система Японии полагается на политический стаж и опыт кандидатов. Именно политический стаж помогает действующим депутатам легче переизбираться и продвигаться на высокие партийные посты. Это отличает Японию от, например, Тайваня с его смешанной республиканской системой, где в предвыборной кампании большее значение имеют конкретные политические взгляды и заслуги кандидата. Некоторые японские партии даже издали правила, поддерживающие действующих членов парламента. Например, они автоматически переназначаются кандидатами от своего округа на следующие выборы [13]. В такой системе предпочтение отдаётся преемственности, и в некоторых случаях эта преемственность может сохраняться через поколения. Таким образом, избирательные округа, в которых сильны позиции определённой партии, часто "закреплены" за соответствующими им действующими членами парламента, и внутрипартийная борьба в этих округах не одобряется.

У «системы 1955 г.» было несколько структурных особенностей, которые активно поддерживали потомственную передачу парламентских мест. Во-первых, т.н. «железный треугольник» – система взаимоотношений между политиками, бюрократами и крупным бизнесом. В этой системе большую роль играют неформальные личные знакомства и контакты, и многие заинтересованы в сохранении этих отношений и договорённостей на как можно больший срок. Династийные политики являются в этом случае оптимальным вариантом продолжения отношений, поскольку они зачастую сохраняют и продолжают знакомства и негласные договорённости своего предшественника. Бизнесу, заинтересованному в поддержке определённого политика или политической группы, было бы выгодно спонсировать группу поддержки таких династийных политиков.

Важными инструментами, которые японские политики используют в предвыборной борьбе, являются т.н. «три бан» (三バン): *дзибан* (地盤) – электоральная база, *камбан* (看板) – узнаваемость имени или репутация, *кабан* (鞆) – финансовые ресурсы.

Финансовые ресурсы *кабан* – это очевидное преимущество для кандидатов и самое простое для наследования. Кроме того, зачастую члены семьи династийного политика не только имеют влияние в политическом мире, но и владеют каким-либо бизнесом, что благотворно сказывается на финансовом состоянии политика. Обладание большими ресурсами помогает проводить предвыборную кампанию, но кроме того, может даже отпугнуть других кандидатов участвовать в предвыборной гонке [14, 352].

Важность финансовых ресурсов для предвыборной гонки понимают не только японские политики. Так, в англоязычной политологии существует термин «warchest», который можно перевести как «финансовые ресурсы» или «политический капитал». Однако в Японии ресурсы *кабан* тесно связаны с другими инструментами наследственной передачи власти и также требуются для поддержания своей электоральной базы.

Для создания и усиления своей электоральной базы также используют группы поддержки – *ко:энкай*(後援会). В эти группы входят бизнесмены, главы муниципальных организаций и другая

местная элита. *Ко:энкай* – это личный политический капитал каждого политика, не связанный с политической партией. Они институционализировались в 1960-е гг. для обхода запрета на проведение предвыборных кампаний в период между выборами. В настоящее время это легальный и подотчётный инструмент. Эти группы поддержки могут передаваться по наследству, когда действующий парламентарий выходит на пенсию или умирает [6, 369]. Более того, до 1993 г. именно *ко:энкай* нередко убеждали родственника отошедшего от дел политика продолжить его дело и вступить в партию.

У членов *ко:энкай* мог быть финансовый интерес к избранию потомственного преемника, поскольку это могло помочь им обеспечить постоянный доступ к ресурсам центрального правительства. Централизованный процесс распределения бюджета и крайне патерналистская политика ЛДП создали стимулы для местных организаций, кандидатов и избирателей присоединиться к ЛДП, чтобы получить доступ к перераспределению ресурсов центрального правительства. Члены *ко:энкай* и местные политики, оказывавшие поддержку на выборах политикам ЛДП национального уровня, должны были наладить прочные отношения с этими политиками, чтобы получить доступ к центральному правительству и поддерживать потоки ресурсов. Когда политик уходил на пенсию или умирал, *ко:энкай* мог обеспечить себе постоянный доступ к центральному правительству, назначая преемника. Потомственные кандидаты идеально подходили для поддержки, поскольку они были знакомы большинству основных сторонников и избирателей.

Тот факт, что династические кандидаты наследуют ранее существовавшие неформальные связи с избирателями, влияет на их предвыборные кампании. Поскольку электоральная база, унаследованная от членов их семей, является ключевым элементом их успеха на выборах, поддержание прочных связей с членами этих «кланов» становится важнейшим аспектом их кампаний. Здесь лучшая стратегия для династических кандидатов для достижения этой цели состоит в том, чтобы сделать акцент на распределении ресурсов в своих кампаниях. Обещая определённые блага членам своей базы поддержки, они могут укрепить унаследованные покровительственные связи и продолжать получать поддержку электората. Таким образом, природа унаследованных связей влияет на стратегические расчеты династических кандидатов, тем самым делая их более склонными подчеркивать распределение ресурсов в своих кампаниях [1, 454].

Поддержание *ко:энкай* – крайне трудозатратный и ресурсоёмкий процесс. Кроме того, предвыборная кампания династического кандидата, который унаследовал группу поддержки, подразумевает поддержание более тесного общения с заинтересованными лицами и распределение между ними ресурсов. Нединастическим политикам приходится создавать свой *ко:энкай* с нуля, но с течением времени, если политик служит в парламенте несколько сроков подряд, усилия, затрачиваемые на их поддержание, сравниваются с усилиями династических политиков.

Узнаваемость имени *камбан* также важна для предвыборной гонки японских политиков. Для японского консервативного электората принадлежность кандидата к определённой семье может стать существенным фактором за него свой голос. Кроме того, важным фактором может стать сочувствие людей к сыну или дочери внезапно умершего депутата, в связи с чем даже кандидат без политического опыта может обогнать в предвыборной гонке более опытных кандидатов [9, 17].

Для усиления своего *камбан* современные политики могут прибегать к традиции усыновления взрослого мужчины, зачастую зятя. Эффект такого инструмента можно увидеть в моделях брака в политических семьях. Японский закон требует, чтобы супружеская пара брала одну фамилию. Примерно в 95% браков жена берет фамилию мужа. Однако когда отец жены обладает властью или у него нет собственного биологического сына, муж часто берет фамилию жены. Пример подобного усыновления – бывший министр обороны Японии Танака Наоки, изначально носивший фамилию Судзуки. В 1963 г. он женился на Танака Макико – дочери влиятельного политика и будущего премьер-министра Танака Какуэй, не имевшего наследника. При этом и сама Танака Макико была влиятельным политиком и дважды занимала министерские посты.

Вместе с политическим капиталом «трёх бан» и *ко:энкай* часто наследуются и обязательства, данные политиком и политику [15]. Таким образом, наследственная передача парламентского места является ещё и способом поддержать преемственность неформальных связей.

Большую роль в продвижении династических политиков играет также избирательная система. Избирательная система «средних округов», использовавшаяся в 1947–1993 гг., привела к внутривнутрипартийной конкуренции в ЛДП и СПЯ, двух крупнейших партиях. В результате кандидаты проводили предвыборную кампанию преимущественно на основе своих личных качеств или поведения, а не на приверженности своей партии или ее политике. В таком случае династические кандидаты могли использовать свои преимущества в предвыборной гонке и получать больше голосов избирателей. Кроме того, процесс отбора кандидатов в ЛДП был крайне децентрализован. Когда кандидат от ЛДП уходил на

пенсию или умирал, его или ее фракция и ко:энкай кандидата играли самую большую роль в поиске преемника.

В 1993 г. закончилось непрерывное правление ЛДП, и большинство в парламенте заняла коалиция оппозиционных партий. В 1994 г. была проведена избирательная реформа, которая была направлена против нерепрезентативного распределения голосов и династийности. Эта реформа резко сократила внутривнутрипартийную конкуренцию, сократила влияние *ко:энкай* и привлекательность династийных кандидатов для ЛДП, но так и не смогла полностью искоренить эти явления. Дело в том, что у действующих политиков нет причин менять свои предвыборные стратегии и отказываться от такого действенного инструмента, как *ко:энкай* [16, 241], и у действующих *сэсю: гин* нет причин отказываться от дальнейших попыток переизбраться. Кроме того, может проявиться черта японской традиционности, когда старые политики оказываются не готовы быстро отказаться от привычных для них стратегий и инструментов. И всё же, новые кандидаты имеют меньшую склонность к использованию *ко:энкай* в своих стратегиях. Возможно, в скором времени количество династийных политиков в японском парламенте уменьшится.

Таким образом, значительное отличие династийных и нединастийных политиков состоит в том, что династийные могут проводить более независимые кампании и получать больший доступ к распределению ресурсов среди заинтересованных сторон, в то время как нединастийные политики должны в большей степени придерживаться политической линии своей партии. Это приводит к тому, что потомственные политики получают больше голосов, и далее, в соответствии с патерналистскими установками общества, распределяют эти ресурсы среди своих избирателей. Как выяснили исследователи, династийные политики действительно могут получить больше ресурсов для своего округа, однако распределение их происходит непрозрачно, и может затрагивать только относительно небольшую группу приближенных к политику избирателей, например, его *ко:энкай*. [17]

Поиск и назначение новых кандидатов также в значительной степени подвержено неформальным институтам общества. До избирательной реформы 1994 г. не существовало формального и открытого способа набора кандидатов на парламентские выборы. Каждая партия искала и назначала кандидатов через её внутреннюю систему, крупные партии поручали эту работу каждой фракции в отдельности. Среди крупных партий, преимущественно ЛДП, нередким был поиск кандидатов среди чиновников или наследников бывших депутатов. Таким образом, большую роль играли личные связи и принадлежность кандидата.

ДПЯ, главная оппозиционная партия, в начале 2000-х гг. испытывала нехватку кандидатов для участия в выборах в парламент, и она 5 раз разворачивала кампании по привлечению кандидатов из числа местных жителей, т.н. *Ко:бо* (公募, букв. «открытая вербовка»). Так же, как и в ЛДП, при отборе кандидатов для предвыборной гонки в первую очередь обращали внимание на их личные качества, а не на политические взгляды. Немаловажными были личные связи и репутация в избирательном округе, которые могли обеспечить кандидату более высокие шансы на победу в предвыборной гонке. В первую очередь это происходило потому, что ДПЯ не была ориентирована на какую-то конкретную политику, а скорее была партией всех оппозиционно настроенных политиков, и имела главной целью забрать власть у правящей ЛДП.

Политическое наследование также влияет на карьерный путь политиков. Так, династийные политики раньше начинают карьеру и, следовательно, имеют больше шансов подняться до высших политических постов. Часто они начинают знакомиться с устройством политической работы на посту секретаря своего родственника. Как пример подобного явления можно привести назначение Ф.Кисидой своего сына Сётаро на пост секретаря по политическим вопросам 4 октября 2022 г. [18]. Полученный опыт вкупе с покровительством родственников и заинтересованных групп позволяют династийным политикам быстрее подниматься по карьерной лестнице и чаще занимать важные партийные и министерские посты.

Пример Кисиды особенно показателен в современную эпоху постепенного изменения политической системы Японии. Сначала его приход на пост премьер-министра в 2021 г., а затем назначение сына секретарём своего кабинета вызвало в японском обществе бурные обсуждения проблемы nepotизма и наследования политических мест. В политике послевоенной Японии процедура назначения сына или другого родственника своим секретарём довольно обыденная, и в разное время через неё прошли Юко Обути – дочь премьер-министра Кейдзо Обути, Синдзиро Коидзуми, сын премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми, бывший премьер-министр Синдзо Абэ [4]. Тем не менее, нынешнее назначение Сётаро Кисиды вызвало волну критики и возмущения в адрес премьер-министра и правящей партии в целом [19]. Несмотря на формальные заявления некоторых сторонников

Кисиды о приемлемости и законности подобных действий, даже его однопартийцы говорят о неуместности такого назначения и «неспособности премьер-министра слушать» [20].

Обвинения премьер-министров в nepoтuзме со стороны оппозиции раньше были не редкостью в японской политике, однако нынешнее общественное освещение и осуждение подобных действий может сигнализировать об изменяющихся нормах и запросах японского общества. Причиной такого изменения запросов может стать и накопившийся эффект от избирательной реформы 1994 г., направленной в том числе и против династийности в политике, и изменение отношения к династийным кандидатам в предвыборной программе ДПЯ в 2009 г. В конце концов, Япония, как и любая другая страна, подвержена изменениям, и необходимость в них возрастает в условиях экономического и демографического кризиса, в котором уже долгое время пребывает Япония.

Заклoчение: Таким образом, мы увидели, что японская политическая система имеет ряд характерных особенностей, формальных и неформальных институтов, прямо или косвенно вытекающих из менталитета и традиций общества. Когда это необходимо для удобства или по юридическим причинам, некоторые из них институционализируются и формализуются, как, например, *ко:энкай*. Другие остаются в неформальной сфере.

Эти особенности позволяют Японии уверенно входить в число мировых лидеров по количеству династийных парламентариев, сохраняя при этом все демократические институты и свободу выбора. Некоторые элементы политической культуры Японии базируются на общественных институтах, отличных от западных, в связи с чем к ней нельзя в полной мере применять западные критерии оценки демократичности общества. И всё же, стоит отметить, что возрастающий интерес к феномену династийных политиков со стороны японских исследователей и СМИ может сигнализировать о том, что в японском обществе меняются взгляды и растёт запрос на более индивидуалистический подход к политическим процессам.

Список использованной литературы:

1. Muraoka, T. (2018). *Political Dynasties and Particularistic Campaigns*. *Political Research Quarterly*, 71(2), 453–466.
2. 「世襲」19人、自民が6割弱【22参院選】2022年6月22日[19 наследственных политиков, из них от ЛДП 60% (22 выборы в палату советников). 22.06.2022] [Электронный ресурс] <https://www.jiji.com/jc/article?k=2022062201136&q=pol>. Дата обращения 21.09.2022
3. 衆院選、自民世襲候補が続々名乗り。2021年7月25日。[Выборы в Палату представителей, потомственные кандидаты от ЛДП один за другим. 25.07.2021] [Электронный ресурс] <https://www.sankei.com/article/20210725-LDDRZC73JPRNHYZU7CKQXENA/> (Дата обращения 28.09.2022)
4. Дела семейные: какие кланы существуют в японской политической элите. 12.10.2021 [электронный ресурс] <https://profile.ru/abroad/dela-semejnye-kakie-klany-sushhestvujut-v-yaponskoj-politicheskoy-elite-940463/> (Дата обращения 06.11.22)
5. Itoh, Mayumi. (2003). *The Hatoyama dynasty : Japanese political leadership through the generations*. New York : Palgrave Macmillan, 286 p. <http://www.loc.gov/catdir/toc/hol041/2003040543.html>
6. Ishibashi, M., & Reed, S. R. (1992). *Second-Generation Diet Members and Democracy in Japan: Hereditary Seats*. *Asian Survey*, 32(4), 366–379. <https://doi.org/10.2307/2645152>
7. Антонов П. А. (2019). «Потомственные парламентарии» («Сэсю: гиин») в политической системе современной Японии: сравнительно-исторический анализ. *Сравнительная политика*, 10 (2), 152-164. doi: 10.24411/2221-3279-2019-10022
8. Hiroshi Fukuda (2009) *Why Are There So Many Hereditary Politicians in Japan?*, *Asia-Pacific Review*, 16:2, 1-14, DOI: 10.1080/13439000903381352
9. Smith Daniel M. — *Dynasties and Democracy : The Inherited Incumbency Advantage in Japan*. Stanford, Stanford University Press, 2018, 359 p.
10. *Политическая система современной Японии / Под ред. Д. В. Стрельцова*. – М.: Аспект-Пресс, 2013. – 384 с.
11. А.А. Родионова. Культурные особенности Японии как фактор формирования корпоративной этики. [Электронный ресурс]. http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=277 (Дата обращения 17.09.2022)
12. Сосковец, Л.И. *Политическая система Японии : учебное пособие для вузов / Л.И. Сосковец*. – Москва : Издательство Юрайт, 2022. – 164 с.

13. Batto, N. F., Huang, C., Tan, A. C., & Cox, G. W. (Eds.). (2016). *Mixed-Member Electoral Systems in Constitutional Context: Taiwan, Japan, and Beyond*. University of Michigan Press. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1gk08h7>
14. Box-Steffensmeier, J. M. (1996). A Dynamic Analysis of The Role of War Chests in Campaign Strategy. *American Journal of Political Science*, 40(2), 352–371. <https://doi.org/10.2307/2111628>
15. Usui, Chikako & Colignon, Richard. (2004). Continuity and Change in Paths to High Political Office: Ex-Bureaucrats and Hereditary Politicians in Japan. *Asian Business & Management*. 3. 395-416. 10.1057/palgrave.abm.9200106.
16. Carlson, M. M. (2006). Electoral Reform and the Costs of Personal Support in Japan. *Journal of East Asian Studies*, 6(2), 233–258. <http://www.jstor.org/stable/23417903>
17. Asako, Y., Iida, T., Matsubayashi, T., & Ueda, M. (2015). Dynastic Politicians: Theory and Evidence from Japan. *Japanese Journal of Political Science*, 16(1), 5-32. doi:10.1017/S146810991400036X
18. Kishida appoints his son, 31, to be his executive secretary. 04.10.2022 [Кисида назначил своего сына своим исполняющим секретарём] [электронный ресурс] <https://www.asahi.com/ajw/articles/14734693> (Дата обращения 04.10.2022)
19. Nepotism and Japan's political dynasties. 12.10.22 [Непотизм и японские политические династии] [электронный ресурс] <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2022/10/12/commentary/japan-commentary/kishidas-son-appointment/> (Дата обращения 21.12.22)
20. Frankly: Nepotism is Built Into the Japanese Political System. 14.10.21 [Откровенно говоря: кумовство встроено в японскую политическую систему] [электронный ресурс] <https://www.tokyoweekender.com/2021/10/frankly-nepotism-is-built-into-the-japanese-political-system/> (Дата обращения 21.12.22)

References:

1. Muraoka, T. (2018). Political Dynasties and Particularistic Campaigns. *Political Research Quarterly*, 71(2), 453–466.
2. 「世襲」19人、自民が6割弱【22参院選】2022年6月22日[19 hereditary politicians, of which 60% are from the LDP (22 House of Councilors elections). 22.06.2022] [Electronic resource] <https://www.jiji.com/jc/article?k=2022062201136&q=pol>. (Accessed 21.09.2022) [In Japanese]
3. 衆院選、自民世襲候補が続々名乗り。2021年7月25日。 [Elections to the House of Representatives, hereditary LDP candidates one after another. 25.07.2021] [Electronic resource] <https://www.sankei.com/article/20210725-LDDRZZC73JPRNHYZU7CKQXENA/> (Accessed 28.09.2022) [In Japanese]
4. Family business: what clans exist in the Japanese political elite. 12.10.2021 [Electronic resource] <https://profile.ru/abroad/dela-semejnye-kakie-klany-sushhestvujut-v-yaponskoj-politicheskoj-elite-940463/> (Accessed 06.11.22) [In Russian]
5. Itoh, Mayumi. (2003). *The Hatoyama dynasty : Japanese political leadership through the generations*. New York : Palgrave Macmillan, 286 p. <http://www.loc.gov/catdir/toc/hol041/2003040543.html>
6. Ishibashi, M., & Reed, S. R. (1992). Second-Generation Diet Members and Democracy in Japan: Hereditary Seats. *Asian Survey*, 32(4), 366–379. <https://doi.org/10.2307/2645152>
7. Antonov P. A. (2019). "Hereditary parliamentarians" ("Seshu: giin") in the political system of modern Japan: a comparative historical analysis. *comparative policy*, 10 (2), 152-164. doi: 10.24411/2221-3279-2019-10022 [In Russian]
8. Hiroshi Fukuda (2009) Why Are There So Many Hereditary Politicians in Japan?, *Asia-Pacific Review*, 16:2, 1-14, DOI: 10.1080/13439000903381352
9. Smith Daniel M. — *Dynasties and Democracy : The Inherited Incumbency Advantage in Japan*. Stanford, Stanford University Press, 2018, 359 p.
10. The political system of modern Japan / Ed. D. V. Streltsov. – Moscow: Aspect-Press, 2013. – 384 c. [In Russian]
11. A.A. Rodionova. Cultural features of Japan as a factor in the formation of corporate ethics. [Electronic resource]. http://japanstudies.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=277 (Accessed 17.09.2022) [In Russian]
12. Soskovets, L. I. *The political system of Japan: a textbook for universities* / L. I. Soskovets. - Moscow: Uwrite Publishing House, 2022. — 164 c. [In Russian]

13. Batto, N. F., Huang, C., Tan, A. C., & Cox, G. W. (Eds.). (2016). *Mixed-Member Electoral Systems in Constitutional Context: Taiwan, Japan, and Beyond*. University of Michigan Press. <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1gk08h7>
14. Box-Steffensmeier, J. M. (1996). A Dynamic Analysis of The Role of War Chests in Campaign Strategy. *American Journal of Political Science*, 40(2), 352–371. <https://doi.org/10.2307/2111628>
15. Usui, Chikako & Colignon, Richard. (2004). Continuity and Change in Paths to High Political Office: Ex-Bureaucrats and Hereditary Politicians in Japan. *Asian Business & Management*. 3. 395-416. 10.1057/palgrave.abm.9200106.
16. Carlson, M. M. (2006). Electoral Reform and the Costs of Personal Support in Japan. *Journal of East Asian Studies*, 6(2), 233–258. <http://www.jstor.org/stable/23417903>
17. Asako, Y., Iida, T., Matsubayashi, T., & Ueda, M. (2015). Dynastic Politicians: Theory and Evidence from Japan. *Japanese Journal of Political Science*, 16(1), 5-32. doi:10.1017/S146810991400036X
18. Kishida appoints his son, 31, to be his executive secretary. 04.10.2022 [Electronic resource] <https://www.asahi.com/ajw/articles/14734693> (Accessed 04.10.2022)
19. Nepotism and Japan's political dynasties. 12.10.22 [Electronic resource] <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2022/10/12/commentary/japan-commentary/kishidas-son-appointment/> (Accessed 21.12.2022)
- Frankly: Nepotism is Built Into the Japanese Political System. 14.10.21 [Electronic resource] <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2022/10/12/commentary/japan-commentary/kishidas-son-appointment> (Accessed 21.12.2022)